ЭХ
2953
Гра

В. Э. Грабарь.

НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА

НАЦІОНАЛИЗАЦІИ

МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА.

Разборъ книги Э. К. Симсона, Система международнаго права. Т. I. Основныя понятія. СПб. 1900.

Юрьевъ.
Типографія К. Маттисена.
1901.

Пров 38

В. Э. Грабарь.

НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА

НАЦІОНАЛИЗАЦІИ

МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА.

134569

Разборъ книги Э. К. Симсона, Система международнаго права. Т. I. Основныя понятія. СПб. 1900.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

Юрьевъ.
Типографія К. Маттисена.
1901.

Ix
953

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета“ 1901 г.

Международное право въ той традиціонной формѣ, въ которой оно обыкновенно излагается въ наше время, весьма доступно критикѣ. На него нападаютъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Одни, желая приблизить международное право къ другимъ областямъ правовѣдѣнія, находятъ, что въ современныхъ системахъ его отсутствуетъ юридическій методъ, благодаря чему вмѣсто системы правовыхъ нормъ получается своеобразное соединеніе этическихъ правилъ, не имѣющихъ юридически-обязательной силы. Другіе, наоборотъ, упрекаютъ господствующее въ международномъ правѣ направленіе въ томъ, что въ погонѣ за юриспруденціей, оно лишаетъ междугосударственныя отношенія ихъ истинной природы, стараясь превратить эти по существу своему этическія отношенія въ отношенія юридическаго порядка.

Авторъ разбираемой книги принадлежитъ къ противникамъ традиціоннаго изученія международнаго права, примыкая всецѣло къ первой изъ указанныхъ группъ. Главная цѣль, которую онъ имѣлъ въ виду, издавая свою работу, состояла въ томъ, чтобы поставить изученіе международнаго права на строго юридическую почву. „Международное право," говоритъ онъ въ Предисловіи (стр. IV), „какъ оно излагается у насъ, и не только у насъ, дѣйствительно не есть право, но конгломератъ какихъ-то весьма неясныхъ идей. Это скорѣе какая то международная мораль, состоящая изъ положеній, неизвѣстно откуда получившихъ свою силу и большею частью никакой силы не имѣющихъ. Пора вернуться къ настоящей юриспруденціи"; „въ особенности воздерживаемая отъ высокопарныхъ фразъ, встрѣчающихся въ столькихъ книгахъ по международному праву и закрывающихъ большею частью

пустоту и отсутствіе мыслей. Мы хотимъ быть юристомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, хотя мы и занимаемся международнымъ правомъ" (стр. 4).

Автору представляется, что для достиженія поставленной себѣ цѣли ему слѣдуетъ „начать съ отрицанія тѣхъ опредѣленій основныхъ понятій, которыя до сихъ поръ признавались всѣми теоретиками" (стр. III). „Я рѣшился, заявляетъ онъ, вступить на новый путь, ибо изученіе международнаго права въ теченіи болѣе четырнадцати лѣтъ укрѣпило во мнѣ сознаніе необходимости искать новаго обоснованія международнаго права" (тамъ-же). „Настоящая книга и занимается установленіемъ понятія международнаго права, причемъ пришлось очистить почву отъ многихъ неправильныхъ, но *твердо закоренѣлыхъ*[1]) понятій" (стр. V). Автору пришлось „вступить въ борьбу съ установившимися *во время столѣтій* взглядами и *лжепонятіями*" (стр. 71). Въ результатѣ получилась „система международнаго права, построеннаго на совершенно новыхъ началахъ" (стр. III), „хотя уже въ 1895 г. во вступительной лекціи" авторъ, какъ мы узнаемъ, „далъ новое понятіе международнаго права" (стр. V).

Таковы задачи, которыя поставилъ себѣ авторъ; таковы заслуги его передъ наукою, какъ постарался опредѣлить ихъ онъ самъ. Остается только провѣрить, хорошо ли исполнена задача, и насколько притязанія автора на научныя заслуги его въ качествѣ обновителя международнаго права могутъ быть признаны справедливыми. Я намѣренно оставляю въ сторонѣ вопросъ о томъ, правильны или нѣтъ теоретическія воззрѣнія автора. Подобная оцѣнка была бы неудобна въ виду заявленія, сдѣланнаго авторомъ въ самомъ началѣ своей работы: „Само собою разумѣется, что теоретики изъ чувства самосохраненія должны будутъ относиться отрицательно къ выставляемой мною теоріи."

Новое начало, которое должно стать въ основаніе обновленной науки международнаго права, можно формулировать слѣдующимъ образомъ: „такъ называемое международное право *національно,* какъ вообще всякое право. Мы должны *націонализировать* международное право, чтобы получить совокупность дѣйствительно *обязательныхъ* правовыхъ нормъ особеннаго рода" (стр. 61). Г. Симсонъ не приписываетъ

1) Крусивъ здѣсь и въ слѣдующей выдержкѣ принадлежитъ мнѣ.

себѣ заслуги перваго открытія указаннаго начала: „Если не ошибаюсь," заявляетъ онъ, „первый, кто высказалъ совершенно новый, но вполнѣ научный взглядъ на международное право, это извѣстный профессоръ Карлъ Бергбомъ, глубокоуважаемый мой учитель... Въ своихъ замѣчательныхъ лекціяхъ проф. Бергбомъ настаивалъ на необходимости строго научнаго отношенія къ международному праву и указывалъ на необходимость *націонализировать* международное право, такъ какъ право, дѣйствующее *между народами*, non sens" (стр. IV—V). Но Бергбомъ, думаетъ г. Симсонъ, „до сихъ поръ въ издаваемыхъ имъ работахъ не касался международнаго права" (стр. V), а потому литературнымъ родоначальникомъ новаго международнаго права все же является онъ, г. Симсонъ. Во всякомъ случаѣ, честь перваго примѣненія вновь открытаго начала къ изученію отдѣльныхъ вопросовъ международнаго права онъ приписываетъ себѣ: „Да", заявляетъ онъ съ чувствомъ видимаго удовлетворенія, „я могу сказать, то, что я предаю здѣсь гласности, есть дерево, выросшее изъ того сѣмени, который (sic) проф. Бергбомъ посѣялъ въ своихъ слушателяхъ" (стр. IV). Сѣмя, правда, произрастаетъ различно, въ зависимости отъ почвы, на которую падаетъ, но проф. Бергбомъ, я полагаю, все же былъ бы немало удивленъ и озадаченъ, если бы увидѣлъ, какое „дерево" выросло изъ посѣяннаго имъ сѣмени.

Я долженъ замѣтить что проф. Бергбомъ, несмотря на противное утвержденіе г. Симсона, въ издаваемыхъ имъ работахъ не только касался международнаго права, но одну изъ своихъ работъ, а именно магистерскую диссертацію, появившуюся еще въ 1876 г., всецѣло посвятилъ разсмотрѣнію одного изъ основныхъ вопросовъ международнаго права, вопроса объ источникахъ. О существованіи ея знаетъ и г. Симсонъ. Онъ дѣлаетъ на нее ссылки (прим. 1 на стр. 46; примѣч. на стр. 72); но и тамъ, гдѣ ссылокъ нѣтъ, замѣтны ясные слѣды знакомства съ нею. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сравнить хотя бы слѣдующіе два отрывка:

Симсонъ, стр. 47—48.	Bergbohm. Staatsverträge und Gesetze, als Quellen d. Völkerrechts. Dorpat, 1876, S. 13—14.
„Другіе писатели исходятъ отъ невѣрнаго отождествленія мира съ правомъ и порядкомъ, а войны съ	„Von der falschen Identificirung des Friedens mit Recht und Ordnung und des Krieges mit Rechts-

нарушеніемъ права и преступленіемъ. Видя въ исторіи всегда повторяющійся фактъ войны, выводятъ отрицаніе положительнаго международнаго права. Но въ ходѣ этого мышленія есть цѣлый рядъ ошибокъ. Прежде всего неправильно отождествленіе мира съ правомъ, ибо миръ часто защищаетъ незаконный порядокъ вещей.[1]) Затѣмъ приписываютъ международному праву задачу хранить миръ или не допускать безпорядковъ и неправды, но при этомъ совершенно забываютъ, что въ самомъ государствѣ ...

bruch und Verbrechen ausgehend kommt man dazu, wenn man immer wieder verzweifelt vor dem sich wiederholenden Factum eines Krieges steht ... das positive Völkerrecht ins Reich der Schatten zu verweisen. Eine ganze Reihe von Irrthümern in den Voraussetzungen wie in der Folgerung ist dabei aufzudecken. Zuerst sei bemerkt, dass man möge nun den Krieg ... der Frieden häufig genug gerade das baare Unrecht schützt[2]) ... Ferner wird dem Völkerrecht die Lösung des Problems zugeschoben, den Frieden zu erhalten oder, noch allgemeiner, Unordnung und Unrecht zu verhindern, da doch im geordneten Staate ...

1) „Troxler, Philosophische Rechtslehre, стр. 78“

2) „Troxler, Philosophische Rechtslehre Seite 78.“

Сходство поразительное. Ученикъ заимствуетъ у своего учителя не только его взгляды, но и внѣшнее ихъ выраженіе до мельчайшихъ подробностей. Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно прибѣгаютъ къ кавычкамъ. Г. Симсонъ и здѣсь хотѣлъ пойти своимъ путемъ. Правда, путь этотъ не новый, не имъ открытъ и не имъ впервые введенъ въ литературу.

Возвращаюсь къ „національзированію международнаго права,“ т. е. къ тому „новому“ началу, которое, по мнѣнію г. Симсона, ему обязано своимъ первымъ появленіямъ въ литературѣ. Мысль о „національзораваніи международнаго права“ вовсе не такъ нова, какъ это представляется г. Симсону, благодаря полному незнакомству съ литературою вопроса, о которомъ онъ взялся говорить. Національзировать международное право значитъ ввести его въ національное право, какъ составную часть права того или другого государства. Такъ именно понимаетъ это и г. Симсонъ, говоря, что „существуетъ международное право русское, германское, французское, англійское и т. д., т. е. цѣлый рядъ международныхъ правъ, а именно всѣхъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ существуютъ необходимыя условія международно-правовой жизни“ (стр. 64); „международное право означаетъ часть права государства, точно также какъ выраженія «частное право»,

«уголовное право» и т. д." (тамъ-же, примѣч.). „Къ сожалѣнію," замѣчаетъ авторъ, „до сихъ поръ спеціальное международное право отдѣльныхъ государствъ еще никѣмъ не было изложено въ системѣ" (стр. 65). Мы, въ свою очередь, должны выразить сожалѣніе, что г. Симсону неизвѣстна интересная попытка этого рода, сдѣланная болѣе ста лѣтъ тому назадъ, когда Рёмеромъ „изложено было въ системѣ" „спеціальное международное право" Германской Имперіи. Характеръ работы Рёмера опредѣленъ въ самомъ заглавіи ея: „Международное право Нѣмцевъ" („Völkerrecht der Deutschen"). Въ то время „національзировать международное право" значило дѣйствительно, вводить новшество. Это хорошо сознавалъ самъ Рёмеръ, и имѣлъ полное право говорить о себѣ, что пролагаетъ новый путь: „Wenn andere Schriftsteller sich darüber entschuldigen müssen, dass sie eine schon oft bearbeitete Materie von neuem bearbeitet haben; so muss ich mich im Gegentheil darüber rechtfertigen, dass ich eine neue Bahn zu brechen suche und meine gegenwärtigen Bemühungen auf eine Wissenschaft verwendet habe, welcher vielleicht noch von verschiedenen Gelehrten *Quaestio status* gemacht werden dürfte."[1]) Нынѣ, сто лѣтъ спустя, приблизительно то же самое повторяетъ и г. Симсонъ. Разница только въ томъ, что писатель конца XVIII вѣка считаетъ нужнымъ оправдать свое новаторство; нынѣ-же, на рубежѣ XX-го, старая мысль о національзаціи международнаго права предлагается, какъ совершенно новая, и при этомъ предлагающій считаетъ еще себя вправѣ смотрѣть пренебрежительно на всѣхъ прочихъ работниковъ въ той же области правовѣдѣнія.

Сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться, что ни самая мысль о національзаціи международнаго права, ни первое ея выраженіе и развитіе въ литературѣ г. Симсону не принадлежатъ. Но можетъ быть, ему можно поставить въ заслугу попытку возродить уже забытную мысль? Къ сожалѣнію, и тутъ отвѣтъ приходится дать отрицательный. Въ послѣднія десятилѣтія эта мысль становится лозунгомъ цѣлой школы и въ той или иной формѣ высказывается (рѣже проводится) всѣми писателями, занимающимися изученіемъ положительнаго международнаго права. Чтобы не итти далеко за при-

1) Carl Heinrich von Römer, Das Völkerrecht der Teutschen, Halle, 1789, S. III.

мѣрами, я укажу только на проф. Кіевскаго Университета, О. О. Эйхельмана, который въ трудахъ своихъ давно уже проводитъ указанную точку зрѣнія. Если бы г. Симсонъ вспомнилъ хотя бы о его „Хрестоматіи русскаго международнаго права“ (ч. I. Кіевъ, 1887), въ самомъ заглавіи которой проглядываетъ стремленіе „національнизировать международное право,“ онъ не сталъ бы говорить о своемъ новаторствѣ. Въ предисловіи къ этой хрестоматіи г. Эйхельманъ высказываетъ свое недовольство современнымъ состояніемъ изученія международнаго права, отмѣчая ту же причину, которую выдвигаетъ и г. Симсонъ, а именно отсутствіе строгаго юридическаго метода: „предметъ международнаго права, съ его обычными пріемами, не удовлетворяетъ юриста, а безпрестанно все больше теряетъ уваженіе въ кругу факультетскихъ предметовъ и юридическаго міра: онъ не установилъ для себя точнаго предмета, яснаго понятія и систематической методы, не считаетъ нужнымъ юридическаго разбора нормъ въ области ихъ дѣйствія, и даже обходится безъ необходимаго аппарата ученія всякаго юридическаго предмета, т. е. безъ кодекса или текста нормъ. Юристъ *такой* юриспруденціи не признаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и скептически относится къ самой юридической способности ея нормъ“ (Хрестоматія, стр. VIII). Въ оправданіе г. Симсона — если только это можетъ служить оправданіемъ — можно сказать, что труды проф. Эйхельмана ему не извѣстны; о нихъ, во всякомъ случаѣ, онъ не упоминаетъ въ своей работѣ.

И такъ, притязанія г. Симсона на оригинальность въ постановкѣ изученія международнаго права не имѣютъ иного основанія, кромѣ субъективнаго, заключающагося въ совершенномъ незнакомствѣ автора съ литературою предмета. Но, можетъ быть, мы найдемъ нѣкоторую оригинальность въ самомъ выполненіи авторомъ поставленной себѣ задачи? Ожидать этого мы тѣмъ болѣе вправѣ, что авторъ крайне строго относится къ современнымъ литературнымъ произведеніямъ, создаваемымъ по опредѣленному шаблону и потому лишеннымъ всякой оригинальности. „Въ виду того,“ говоритъ онъ, „что большею частью изъ нѣсколькихъ старыхъ книгъ составляется новая, весьма рѣдко встрѣчаются въ многочисленныхъ трактатахъ по международному праву новыя оригинальныя мысли, но большею частью повторенія старыхъ“

(стр. V—VI). Г. Симсонъ рѣшительно отказывается слѣдовать по тому же пути. Въ своей работѣ онъ „старался придерживаться возможной краткости и избѣгать пересказа чужихъ мнѣній“ (стр. V). Насколько эти старанія автора увѣнчались успѣхомъ, мы увидимъ изъ дальнѣйшаго. Теперь же перехожу къ изложенію воззрѣній его. Это изложеніе дастъ намъ нѣкоторую возможность судить о томъ, какъ выполнена авторомъ задача, которую онъ себѣ поставилъ. Конечнаго заключенія мы сдѣлать еще не можемъ. Разбираемая книга составляетъ лишь двѣнадцатую часть работы, намѣченной себѣ авторомъ (стр. 173—174).

Недовольный существующими опредѣленіями международнаго права, авторъ рѣшается подвергнуть пересмотру ученіе о правѣ вообще. „Правильное понятіе о правѣ мы можемъ получить лишь при помощи философіи права, которая имманентна всему праву“ (стр. 4). „При опредѣленіи понятія международнаго права мы должны исходить изъ той точки зрѣнія, которая единственно вѣрная, т. е. мы должны исходить изъ того международнаго права, что дѣйствительно существуетъ“ (тамъ-же). Мы узнаемъ, что стимуломъ къ образованію общества не могли служить ни любовь, ни ненависть, ни боязнь, ни вообще чувство, „ибо наврядъ ли чувство могло играть въ первобытномъ человѣкѣ, находившемся еще на чрезвычайно низкой ступени развитія, особенно нравственнаго, такую роль“ (стр. 7). Стимуломъ былъ „принципъ жизни,“ который заключается въ томъ, что „каждый индивидуумъ испытываетъ неотразимое стремленіе производить ему подобныхъ индивидуумовъ. Имѣя въ себѣ возможность такого производства, индивидуумъ заставляется самою природою исполнять эту задачу. Неисполненіе ея грозитъ опасностью для существованія самаго индивидуума“ (стр. 9). „Этотъ принципъ прождаетъ нужду, и нужда заставляетъ человѣка соединяться съ другими ему подобными существами“ (тамъ-же). Высшимъ союзомъ является государство. „Государство есть, такъ сказать, спектръ, въ которомъ соединяются всѣ другіе союзы людей“ (стр. 12). Что касается международнаго общенія государствъ, то авторъ заявляетъ, что „эту конструкцію слѣдуетъ отвергнуть какъ совершенно неосновательную и противорѣчащую не только логикѣ, но и фактамъ“ (стр. 13). „Международное общеніе государствъ это есть выраженіе, которому не соотвѣтствуетъ понятіе“ (тамъ-же); оно „есть

понятіе пустое, т. е. безъ юридическаго содержанія, и поэтому оно должно быть безусловно исключено изъ юридической терминологіи" (стр. 113).

Переходя отъ союзовъ къ самому праву, авторъ замѣчаетъ, что „слово «право» чрезвычайно злоупотребляется" (стр. 22), и опредѣляетъ „право въ субъективномъ смыслѣ", какъ *всякое*[1]) благо или свобода отдѣльнаго человѣка" (стр. 22). „Безспорно, что когда то было время безъ права" (стр. 15). Одною изъ потребностей, приведшихъ къ созданію права, было „желаніе *удовлетворять* разныя чувственныя или болѣе идеальныя *удовольствія*" (стр. 16.) Авторъ подробно останавливается на вопросѣ о принужденіи и приходитъ къ выводу, что оно не является элементомъ права: „вслѣдствіе неопредѣленности понятія о принужденіи", говоритъ онъ, „*его нельзя употреблять* для этой цѣли" (стр. 28). Приведенные отрывки составляютъ наиболѣе оригинальную часть ученія автора о правѣ. Основываясь на этомъ ученіи, онъ пытается дать новое опредѣленіе международнаго права.

Какъ извѣстно, большинство писателей считаетъ субъектами международнаго права государства. Г. Симсонъ дѣлаетъ оговорку: „слѣдуетъ замѣтить, что вообще не существуетъ субъектовъ международнаго права, подобно тому, какъ не существуетъ субъектовъ права частнаго, церковнаго, государственнаго и другихъ частей права. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ выраженіемъ, которое теоретики употребляютъ, не отдавая себѣ отчета въ его значеніи" (стр. 43). Невольно ждешь смѣлыхъ преобразованій, когда читаешь эти слова. И вдругъ оказывается, что авторъ, довольный тѣмъ, что ему удалось отнестись критически къ чужимъ воззрѣніямъ, ограничиваетъ свое преобразованіе слѣдующею поправкою: „существуютъ только субъекты въ *международномъ правѣ*, какъ существуютъ субъекты въ правѣ частномъ, церковномъ и т. д." (тамъ-же). Въ чемъ провинилось выраженіе „субъекты международнаго права" и чѣмъ оно хуже предлагаемаго авторомъ, такъ и остается неизвѣстнымъ для читателя. Авторъ увѣренъ, что „въ международныя сношенія вступаютъ прежде всего (говоря хронологически) государства, затѣмъ общественные классы и, наконецъ, частныя лица"; поэтому,

---

1) Курсивъ здѣсь и въ двухъ слѣдующихъ выдержкахъ принадлежитъ мнѣ.

признавать субъектами одни лишь государства „значитъ," заключаетъ авторъ, „стоятъ на точкѣ зрѣнія архаической и неправильной" (стр. 44).

Въ результатѣ оказывается все же, что международное право „опредѣляетъ отношенія государства къ другимъ государствамъ" (стр. 56). Существенный признакъ его нормъ — присутствіе въ нихъ иностраннаго элемента. Далѣе дается слѣдующее опредѣленіе международнаго права: „Международное право даннаго государства есть совокупность тѣхъ правовыхъ нормъ, которыя имѣютъ силу для этого государства, его органовъ, его подданныхъ и вообще для всѣхъ лицъ, находящихся подъ его властью, и которыя содержатъ въ себѣ иностранный элементъ или элементъ, относящійся къ чему либо находящемуся за границею" (стр. 60). Это и есть національнизированное международное право, нѣчто въ родѣ римскаго „ius gentium," созданнаго для отношеній, въ которыхъ „является иностранный элементъ" (стр. 69). „Слѣдуетъ," прибавляетъ г. Симсонъ, „сожалѣть о томъ, что наука оцѣнила не по достоинству эту категорію римскаго права. Тогда, можетъ быть, мы не говорили бы сегодня о международномъ правѣ" (тамъ-же). Международное право не есть право *между* народами или государствами, такъ какъ *между* ними вообще не существуетъ права, а только въ нихъ" (стр. 71). „Это ложное представленіе есть послѣдствіе неудачнаго обозначенія этой части права какъ международное", и его слѣдуетъ разъ навсегда устранить. Все право имѣетъ силу и дѣйствуетъ только въ государствѣ, а между государствами, т. е. тамъ, куда не простирается верховная власть никакого государства, есть, такъ сказать, пространство безъ права" (стр. 54).[1]) „Международное право исходитъ изъ воли государства, какъ всякое вообще право. Поэтому государство стоитъ выше международнаго права, какъ оно стоитъ выше всякаго права, ибо всякое право, а также и международное право должно служить цѣли существованія государства, т. е. осуществленію интересовъ его подданныхъ. Поэтому государство можетъ во всякое время измѣнить свое международное право, при

1) За разъясненіями относительно понятія „rechtsleerer Raum" авторъ отсылаетъ читателя къ книгѣ B e r g b o h m 'a, Iurisprudenz und Rechtswissenschaft, стр. 375, прим. 7. Но проф. Бергбомъ, конечно, не повиненъ въ томъ примѣненіи, которое г. Симсону угодно было сдѣлать изъ его понятія „rechtsleerer Raum."

чемъ, конечно, не теряютъ силы возникшія уже правовыя обязательства" (стр. 73).

Таковы конечные выводы, къ которымъ приходитъ г. Симсонъ. Если я вѣрно понимаю его, онъ по существу не отступаетъ отъ общепринятаго ученія. Никто никогда не сомнѣвался, что „с в о е международное право" каждое государство вправѣ измѣнить въ любое время по своему усмотрѣнію, но зато это право и необязательно ни для кого, кромѣ создавшаго его государства и подвластныхъ ему лицъ и учрежденій. Съ послѣднимъ г. Симсонъ, быть можетъ, и не согласенъ? Его воззрѣнія для меня не вполнѣ ясны. Онъ говоритъ: „если мы возьмемъ любое государство, напримѣръ, Россію, то для того, чтобы извѣстное положеніе было международнымъ правомъ для Россіи по отношенію къ одному опредѣленному государству или по отношенію къ многимъ или всѣмъ государствамъ, необходимо, чтобы въ отношеніи, опредѣляемомъ даннымъ правовымъ положеніемъ, былъ иностранный — съ точки зрѣнія Россіи — элементъ, и затѣмъ необходимо, чтобы Россія признала это положеніе обязательнымъ для себя" (стр. 63). Такое „положеніе" будетъ, конечно, обязательно для Россіи, но только для нея и ни для кого болѣе. Для всѣхъ прочихъ государствъ оно не только можетъ не быть правомъ, и, слѣдовательно, обязательнымъ для нихъ; оно можетъ даже явиться въ ихъ глазахъ правонарушеніемъ. Возвращаясь къ приведенному авторомъ примѣру, надо сказать, что для обязательности данной нормы недостаточно присутствія въ ней иностраннаго элемента и признанія ея со стороны Россіи, а необходимо, кромѣ того, и признаніе со стороны того государства, коего интересы задѣты въ указанномъ выше „иностранномъ элементѣ." Г. Симсонъ принимаетъ въ соображеніе только волю одного государства, между тѣмъ какъ любая международно-правовая норма требуетъ признанія ея со стороны двухъ государствъ, по крайней мѣрѣ. Въ противномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ международнымъ правомъ, а съ правомъ государственнымъ, установляемымъ въ дополненіе и подтвержденіе (иногда и въ нарушеніе) международнаго права или же для регулированія международныхъ отношеній, не получившихъ еще защиты въ международномъ правѣ.[1])

1) Для международнаго права эта послѣдняя область отношеній и составляетъ то, что Бергбомъ опредѣляетъ понятіемъ „rechtsleerer Raum."

Если г. Симсонъ думалъ иначе, въ такомъ случаѣ онъ, дѣйствительно, создалъ свое понятіе международнаго права, но отъ научной оцѣнки этого понятія лучше отказаться. На размышленіе, однако, наводятъ слѣдующія слова его: „государство можетъ во всякое время измѣнить свое международное право, при чемъ, *конечно, не теряютъ силы возникшія уже правовыя обязательства*“ (стр. 73). Что хотѣлъ сказать авторъ этою заключительною фразою? Ею онъ какъ будто разрушаетъ все свое зданіе. Государство можетъ измѣнять с в о е международное право, но правовыя обязательства его остаются въ силѣ. Между тѣмъ, то, что г. Симсонъ называетъ правовыми обязательствами, обыкновенно и принято называть международнымъ правомъ. Послѣднее, такимъ образомъ, и по мнѣнію г. Симсона, не зависитъ исключительно отъ воли одного государства и самовольно имъ измѣнено быть не можетъ. Другими словами, государство вольно измѣнять нормы, не получившія еще международно-правовой санкціи, но международное право стоитъ выше его произвола и можетъ быть отмѣнено лишь путемъ взаимнаго соглашенія между управомоченными сторонами. Таково и господствующее ученіе по данному вопросу, такъ что въ утвержденіяхъ г. Симсона ничего новаго не заключается.

Г. Симсонъ велъ свои доказательства, не сознавая самъ хорошо, куда онъ идетъ и чего добивается. Въ результатѣ онъ пришелъ къ обычнымъ выводамъ и утвержденіямъ современной юриспруденціи. Только полное незнакомство съ существующими въ современной литературѣ теченіями заставило г. Симсона узрѣть въ своихъ начинаніяхъ нѣчто новое. Если бы ему извѣстны были новѣйшія работы Гейльборна и Трипеля[1]), онъ бы самъ счелъ свой трудъ совершенно излишнимъ. То, что принадлежитъ лично автору, крайне слабо. Ему не удалось доказать главнаго своего положенія, а именно — что международное право національно. Нельзя же считать доказательствомъ разсужденія въ родѣ слѣдующаго: „международное право во время войны отличается отъ права мира только по отношенію къ одному (?)

1) H e i l b o r n, Das System des Völkerrechts (Berlin, 1896); T r i e p e l, Völkerrecht und Landesrecht (Leipzig, 1899). Незнакомство съ работами этихъ авторовъ тѣмъ болѣе поразительно, что оба они принимали активное участіе въ „Журналѣ Международнаго и Государственнаго Права,“ выходившемъ подъ редакціей г. Симсона въ 1897 г.

государству, съ которымъ ведется война. По отношенію ко всѣмъ остальнымъ государствамъ международное право сохранятетъ свое обыкновенное содержаніе. Этотъ простой фактъ доказываетъ съ очевидностью, что международное право національно" (стр. 160). Такъ и хочется повторить слова, сказанныя г. Симсономъ по другому поводу: „ученые, высказывающіе подобное разсужденіе, весьма далеки отъ науки" (стр. 45). Вѣдь фактъ войны касается, во всякомъ случаѣ, не одного, а по крайней мѣрѣ двухъ государствъ, и потому съ большей очевидностью свидѣтельствуетъ противъ утвержденія г. Симсона, что международное право національно, чѣмъ въ пользу его.

Въ конечномъ результатѣ то, что г. Симсонъ называетъ національзированіемъ международнаго права, сводится къ методологическому пріему изученія положительнаго права. Это — весьма полезный пріемъ. Разсматривая какую нибудь норму международнаго права, необходимо констатировать, для какого государства или для какихъ государствъ она является обязательною. Только такимъ путемъ мы въ состояніи создать систему международнаго права, покоящагося на положительномъ матеріалѣ, а не на предположеніяхъ или желаніяхъ. Но пріемъ этотъ извѣстенъ всѣмъ, работающимъ надъ изученіемъ положительнаго международнаго права. Его, правда, не всегда придерживаются, и напомнить о немъ лишній разъ не мѣшаетъ. Говорить же по этому поводу о созданіи новаго понятія международнаго права, какъ это дѣлаетъ г. Симсонъ, по крайней мѣрѣ странно. Общій выводъ изъ всего, что было сказано здѣсь, таковъ: у автора были хорошія намѣренія и строго научныя стремленія поставить изученіе международнаго права на прочное основаніе положительныхъ нормъ; но для осуществленія этихъ намѣреній и стремленій у него не хватало средствъ. Въ особенности досадно полное незнакомство съ постановкою и разработкою изучаемыхъ вопросовъ въ новѣйшей литературѣ, что̀ и повліяло на переоцѣнку авторомъ своихъ заслугъ передъ наукою.

Я довольно подробно остановился на разсмотрѣніи двухъ первыхъ главъ разбираемой книги (Гл. I. „Возникновеніе права и опредѣленіе его понятія"; гл. II. „Опредѣленіе понятія международнаго права"). Онѣ составляютъ наиболѣе оригинальную часть всей работы. При чтеніи ихъ испытываешь истинное наслажденіе. Слѣдующія главы уже сравнительно

скучны. Въ нихъ, говоря словами самого автора, „весьма рѣдко встрѣчаются . . . новыя оригинальныя мысли, но большею частью повторенія старыхъ“ (стр. VI). Глава III говоритъ о „положительномъ и философскомъ международномъ правѣ“, глава IV — о „принципѣ международнаго права и области его дѣйствія“, глава V и послѣдняя — о „наукѣ международнаго права,“ куда отнесены и вопросы о кодификаціи и о системѣ международнаго права. Нельзя сказать, чтобы и эта часть книги совсѣмъ лишена была своеобразности. По временамъ попадаются мысли въ родѣ слѣдующихъ: „въ серединѣ между положительною наукою и философіею права находится общее ученіе о правѣ, которое называется также энциклопедіей права“ (стр. 126); „наука права или юриспруденція означаетъ въ субъективномъ смыслѣ научное познаніе и знаніе правовыхъ положеній“ (стр. 123—124); „содержаніе данной науки дѣлается научнымъ зданіемъ и называется *системою*, если оно построено вѣрно и по законамъ логики“ (стр. 123). Послѣднее замѣчаніе заставляетъ предполагать, что трудъ г. Симсона будетъ построенъ вѣрно и по законамъ логики и сдѣлается научнымъ зданіемъ: онъ носитъ названіе „Системы международнаго права.“ Имѣя передъ собою, какъ я уже замѣтилъ, пока лишь двѣнадцатую часть всего труда г. Симсона, мы поневолѣ должны воздержаться отъ собственнаго сужденія и принять увѣренія автора за достовѣрный фактъ.

Я не стану разбирать послѣднихъ главъ книги, въ которыхъ, какъ я уже замѣтилъ, воспользовавшись словами автора, „весьма рѣдко встрѣчаются . . . новыя оригинальныя мысли, но большею частью повторенія старыхъ.“ Повтореніе старыхъ мыслей г. Симсонъ ставитъ въ укоръ своимъ коллегамъ по профессіи. Мнѣ, наоборотъ, кажется, что никто изъ лицъ, работающихъ въ области международнаго права, не доводилъ этого искусства повторять старыя мысли до такого совершенства, какъ г. Симсонъ. Другіе повторяютъ мысли, онъ же повторяетъ не только мысли, но и слова, не только содержаніе чужихъ работъ, но и форму ихъ. Пусть судитъ читатель. Я приведу для примѣра двухъ выдающихся писателей, одного русскаго, другого — иностраннаго, Ф. Ф. Мартенса и Гольцендорфа, и укажу, какъ просто и наивно пользуется ихъ работами г. Симсонъ, упрекая ихъ въ то же самое время въ повтореніи старыхъ мыслей. Начнемъ съ Мартенса

и сопоставимъ мѣста изъ его извѣстнаго курса международнаго права съ мѣстами изъ разбираемой книги г. Симсона.

Ф. Ф. Мартенсъ, изд. 2-е 1887 г., стр. 213.

„Къ числу международныхъ органовъ администраціи принадлежала Рейнская судоходная коммиссія, учрежденная въ 1831 г. и преобразованная въ 1868 г. Она имѣла не только чисто административныя задачи, но и судебныя права [1]). Въ 1856 г. были учреждены Дунайская европейская коммиссія и коммиссія судоходства по Дунаю прибрежныхъ государствъ. Первая имѣетъ свой собственный флагъ, который покрываетъ неприкосновенностью какъ служебный персоналъ коммиссіи, такъ и зданія и имущества, ей принадлежащія; она пользуется различными полицейскими правами можетъ осматривать всѣ суда, плавающія по Дунаю, налагать взысканія, взимать съ нихъ опредѣленную пошлину и т. д. [2])

„Телеграфное и почтовое бюро въ Бернѣ... Къ международнымъ административнымъ учрежденіямъ относятся также отчасти Женевскій „комитетъ для помощи раненымъ воинамъ," затѣмъ Парижская метрическая коммиссія, Константинопольская санитарная инспекція и другія учрежденія...

1) Martens et Cussy, Recueil manuel des traités, t. IV, p. 271.

2) Мое Собраніе трактатовъ, т. IV, ч. II. № 160 (стр. 751).

Э. К. Симсонъ стр. 81—82.

„Къ подобнымъ международнымъ административнымъ учрежденіямъ принадлежала Рейнская судоходная коммиссія. Учрежденная въ 1831 г. и преобразованная въ 1868 г., она имѣла кромѣ административныхъ задачъ даже и судебныя права [1]). Въ 1856 г. была учреждена Европейская коммиссія судоходства по Дунаю; ей присвоенъ собственный флагъ, который покрываетъ неприкосновенностью служебный персоналъ и зданія коммиссіи. Коммиссія имѣетъ различныя полицейскія права; она можетъ осматривать всѣ суда, плавающія по Дунаю, взимать съ нихъ пошлины, налагать взысканія и т. д. [2])

„Къ международнымъ административнымъ учрежденіямъ принадлежатъ еще телеграфное и почтовое бюро въ Бернѣ, Женевскій комитетъ для помощи раненымъ воинамъ, Парижская метрическая коммиссія, Константинопольская санитарная инспекція и др.

1) Ch. de Martens et de Cussy, Recueil manuel et pratique de traités... (приведенъ для чего то весь длинный титулъ этого сборника трактатовъ) IV, 271.

2) Ф. Мартенсъ, Собраніе трактатовъ IV, 2 № 160, стр. 751.

При внимательномъ чтеніи легко убѣдиться, что „новая мысль" отличается отъ „старой", главнымъ образомъ, перестановкой знаковъ перепинанія, опущеніемъ кавычекъ и скобокъ, перемѣной римской цифры на арабскую и т. п. новшествами.

Приведу еще одно мѣсто изъ обѣихъ книгъ. Старый текстъ въ этомъ случаѣ подвергся бо̀льшимъ перемѣнамъ:

Первоначальный текстъ
(Мартенсъ, стр. 210.)

„Въ теченіе многихъ столѣтій въ Англіи господствовалъ взглядъ, что англійскій подданный никогда не можетъ выйти изъ ея подданства; что „разъ подданный — всегда подданный“ (Once a subject, always a subject). Такимъ образомъ многія тысячи Англичанъ, эмигрировавшихъ за границу и тамъ натурализованныхъ, продолжаясь считаться въ Англіи ея законными подданными, въ случаѣ международной войны подвергались опасности быть судимыми, какъ измѣнники. Съ другой стороны, иностранцы, какъ бы долго они ни находились въ Англіи, всегда оставались, въ глазахъ англійскаго законодателя и суда, иностранными подданными. Этотъ противорѣчающій международному общенію взглядъ кореннымъ образомъ измѣнился въ 1870 г., съ изданіемъ парламентскаго акта о натурализаціи, согласно которому всякій Англичанинъ можетъ отказаться отъ подданства Англіи, и иностранцы, послѣ пятилѣтняго пребыванія въ предѣлахъ англійской территоріи, могутъ пріобрѣсти всѣ гражданскія права Англичанъ [1]).

1) Cutler. The law of naturalization as amended by the Naturalization Acts 1870. London 1871.

Переработанный текстъ
(Симсонъ, стр. 80.)

„Въ англійскомъ правѣ съ давнихъ временъ установился взглядъ, что англійскій подданный никогда не можетъ терять англійскаго подданства. Once a subject — always a subject. Вслѣдствіе этого англичане, которые уже давно были натурализованы въ другихъ государствахъ, продолжали считаться англійскими подданными, а въ случаѣ войны рисковали быть судимыми какъ измѣнники. Съ другой стороны, иностранцы, несмотря на самое продолжительное пребываніе въ Англіи, не могли добиться натурализаціи. Это невозможное, съ точки зрѣнія международнаго права, положеніе вещей было измѣнено въ 1870 г., когда былъ изданъ парламентскій актъ о натурализаціи. На основаніи этого акта всякій англичанинъ можетъ выйти изъ подданства Англіи, а иностранцы, прожившіе пять лѣтъ на англійской территоріи, могутъ пріобрѣсти всѣ гражданскія и политическія права англичанъ [1]).

1) Cutler, The law of naturalization as amended by the Naturalization Acts 1870, London 1871.

Въ приведенныхъ параллельныхъ текстахъ обращаю особенное вниманіе читателя на подчеркнутое мѣсто. Оно весьма характерно для г. Симсона. Мы узнаемъ отъ него, что положеніе вещей, существовавшее въ Англіи до изданія закона 1870 г., было невозможно съ точки зрѣнія международнаго права. Но какое международное право имѣетъ

здѣсь въ виду г. Симсонъ? Очевидно, не „с в о е международное право," которое, по собственному признанію автора, „государство можетъ во всякое время измѣнить." Въ противорѣчіе съ этимъ международнымъ правомъ государсто встать не можетъ. Между тѣмъ, по увѣренію г. Симсона, только это и есть настоящее международное право, новое понятіе котораго и было впервые возвѣщено міру самимъ г. Симсономъ. И вотъ теперь оказывается, что это единственно настоящее, „національзированное", или „свое" международное право можетъ сдѣлаться невозможнымъ съ точки зрѣнія какого то другого международнаго права, ненаціональнаго, противъ котораго самъ же г. Симсонъ выступилъ съ своею книгою, желая уничтожать его и разъ навсегда устранить изъ науки. Такимъ образомъ, „нове понятіе международнаго права", созданное г. Симсономъ, при первомъ же столкновеніи своемъ со старымъ понятіемъ, не выдержало напора, и самимъ же авторомъ признано несостоятельнымъ и невозможнымъ. Любопытно при этомъ отмѣтить, что г. Симсонъ выражается гораздо рѣзче, чѣмъ проф. Мартенсъ. Послѣдній говоритъ только о противорѣчіи англійскаго взгляда международному о б щ е н і ю, т. е. о неудобствахъ, вытекавшихъ для международныхъ сношеній при практическомъ проведеніи этого взгляда. Г. Симсонъ, полагая, что выраженіе „международное общеніе" принадлежитъ къ тѣмъ туманнымъ представленіямъ, для которыхъ не должно быть мѣста въ строгой положительной наукѣ" (стр. 108) и не зная, какъ передѣлать мысль проф. Мартенса, чтобы привести ее въ согласіе съ своими воззрѣніями, рѣшилъ ограничиться замѣной „туманнаго понятія международнаго общенія" (стр. V) выраженіемъ „международное п р а в о." Въ результатѣ получилось нѣчто для г. Симсона совсѣмъ нежелательное, что̀ заставило его стать въ противорѣчіе съ самимъ собою.

Но оставимъ теперь Курсъ проф. Мартенса и перейдемъ къ сличенію „новыхъ мыслей" г. Симсона со старыми, высказанными въ другомъ извѣстномъ руководствѣ по международному праву, въ „Handbuch des Völkerrechts" Гольцендорфа. Здѣсь мы встрѣтимъ еще одинъ способъ заимствованія, отличный отъ прежнихъ. Отличіе состоитъ въ томъ, что текстъ Гольцендорфа усваивается съ пропусками. Объясняется это тѣмъ, что въ данномъ случаѣ г. Симсону пришлось не только пересказывать, но и переводить съ нѣмецкаго языка на русскій. Въ нѣмецкомъ языкѣ, какъ извѣстно,

встрѣчаются такія мудреныя выраженія, что передать ихъ по русски подчасъ становится крайне затруднительнымъ. Въ этихъ случаяхъ г. Симсонъ прибѣгалъ къ наиболѣе простому средству, — пропускалъ трудныя мѣста. Эти пропуски мы будемъ обозначать въ нѣмецкомъ текстѣ многоточіями. Для примѣра возьмемъ въ книгѣ г. Симсона параграфъ, трактующій о философскомъ международномъ правѣ, и сличимъ его съ соотвѣтственнымъ § въ руководствѣ Гольцендорфа.

Holtzendorff, Bd. I. S. 26 u. f.

„§ 8. Das natürliche oder philosophische Völkerrecht.

„Wir haben das Völkerrecht als positives, weil anerkanntes und praktisch anwendbares, im Verkehr herrschendes, somit als gegenwärtig geltendes Recht definirt. Neben und über dem positiven Recht steht das ideale . . . das die Wissenschaft als reine Theorie auffasst, in Gestalt einer ewigen Vernunftordnung verkündet. Denn in der menschlichen Vorstellung einer zukünftigen Weltordnung kann der Unterschied zwischen positiven, vom Staat praktisch gesetzten und natürlichen, d. h. von der Vernunft ethisch gebotenem Völkerrecht aufgehoben erscheinen. In der Wirklichkeit der Dinge und der Geschichte der Staaten fallen beide Gestaltungen des nur idealen und des realen, praktischen Rechtes niemals völlig zusammen. Sie trennen sich von einander . . . Das positiv geltende Recht kann bei näherer Prüfung seines Inhalts vor dem Richterstuhl der Vernunft als altherkömmlicher, tadelnswerther Missbrauch erscheinen . . . . . .

„Das Verhältniss des philosophischen, nationalen, oder natürli- Völkerrechts zum positiven Völkerrechte erscheint in doppelter Richtung bestimmbar: Erstens, als ein genetisch-historisches Verhältniss; zweitens als ein kritisch-theoretisches Verhältniss.

„I. In ersterer Hinsicht hat man

Симсонъ, стр. 84 и сл.

„§ 12. Философское международное право.

„Мы видѣли, что международное право есть положительное право и дѣйствуетъ какъ всякое право. Наряду съ положительнымъ правомъ существуетъ, однако, идеальное право, которое излагается наукою какъ чистая теорія, и основывается на разумности. Можно себѣ представить, что когда-нибудь настанетъ время, когда положительное право государства и это естественное, требуемое разумомъ, международное право совпадаютъ. Но въ дѣйствительности, т. е. въ исторіи государствъ, и въ настоящее время обѣ эти формы права всегда различны другъ отъ друга. Поэтому весьма важно не смѣшивать ихъ другъ съ другомъ. Положительное право можетъ явиться съ точки зрѣнія разума порицаемымъ, несоотвѣтствующимъ времени и противорѣчащимъ внутреннимъ убѣжденіямъ людей . . . . . .

„Отношеніе это имѣетъ или историческій или критически-теоретическій характеръ. Что касается исторической стороны этого отношенія, то не слѣдуетъ забывать, что вездѣ право прежде всего примѣнялось на практикѣ, а затѣмъ только начинали теоретически разсматривать его: другими словами, практическое примѣненіе права всегда предшествуетъ теоріи.

sich daran zu erinnern, dass die theoretische Erkenntniss einheitlicher, den gesammten Rechtsstoff durchdringender Principien und die Aufstellung eines sog. Naturrechts überall in den abstrackten Resultaten der Betrachtung vorangegangener Rechtspraxis, so wie in der Vergleichung verschiedener, nebeneinander bestehender Staats-Institutionen mehrerer Nationen wurzelt. Ehe ein philosophisches einheitlich construirtes System des Privatrechts oder Strafrechts oder ein allgemeines Staatsrecht wissenschaftlich gefordert werden kann, müssen als Stoff die einzelnen Bestandtheile positiver praktischer Rechtsübung gegeben und erkannt sein.

„Die Rechtspraxis ist überall älter als die Rechtstheorie“ . . . .

„Теоретическое познаніе общихъ началъ, обнимающихъ всю область права, основывается всегда на отвлеченныхъ результатахъ, получаемыхъ при разсмотрѣніи практически примѣняемаго права, а также на сравненіи разныхъ государственныхъ учрежденій нѣсколькихъ народовъ. Такимъ образомъ, философская общая система частнаго, уголовнаго, государственнаго или международнаго права мыслима только тогда, когда имѣются ихъ отдѣльныя положительныя части“ . . . . . .

Предоставляю желающимъ продолжать сличеніе текстовъ. Они убѣдятся, что во всемъ параграфѣ „весьма рѣдко встрѣчаются . . . новыя оригинальныя мысли, но большею частью повторенія старыхъ.“ Но, дабы читатель не подумалъ, что странное совпаденіе текстовъ встрѣчается только въ одномъ параграфѣ, считаю нужнымъ привести еще нѣсколько примѣровъ. Возьму подрядъ слѣдующіе параграфы руководства Гольцендорфа: § 9 Princip des Völkerrechts, § 10 Weltrecht und Weltstaat, § 11 Das Nationalitätsprincip. Тотъ-же порядокъ сохраненъ и въ книгѣ г. Симсона. За § 12 у него слѣдуетъ глава IV („принципъ международнаго права“), § 13 „Универсальное государство“, § 14 „принципъ національности.“

Holtzendorff, Bd. I. S. 31.
„§ 9. Princip des Völkerrechts.
. . . . . .

„Der alte Gegensatz zwischen dem jus necessarium als einem unabänderlich vollkommenen und vernünftigen Naturrecht und dem jus voluntarium als einem nach freiem Belieben zu setzenden veränderlichen, willkürlichen Rechte muss, nachdem es auf anderen Gebieten der Jurisprudenz überwunden wor-

Симсонъ, стр. 89—90.
„Глава IV. Принципъ международнаго права . . . . . .

„Прежняя юриспруденція различала такъ называемое jus necessarium, т. е. разумное и неизмѣнное естественное право, отъ jus voluntarium, которое своимъ существованіемъ обязано свободному усмотрѣнію государствъ или людей. Это ученіе не имѣетъ болѣе силы, и слѣдуетъ оставить его также и

den ist, auch aus der Behandlung des Völkerrechts ausgeschieden werden [. . . . .] [1]) Für unser heutiges Bewusstsein giebt es keinerlei Naturrecht, welches ohne Zulassung von Ausnahmen und völlig unabhängig von den Thatsachen, überall und zu jeder Zeit, frei von den Schranken des Raumes, Geltung erlangen oder für die gesammte Menschheit beanspruchen konnte. [Das positive Recht ist hinsichtlich seiner Entstehung weder ein bloss willkürliches Product menschlicher Freiheit, noch ein Erzeugniss, welches in jedem Augenblick . . . auf wisschaftlichem Wege wiederum entfernt werden kann.]"

въ международномъ правѣ. Мы не признаемъ болѣе естественнаго права, которое имѣетъ силу для всѣхъ безъ исключенія, вездѣ и во всякое время. Съ другой стороны, положительное право не есть произвольный продуктъ человѣческой свободы или продуктъ, который можно во всякое время путемъ науки лишить своей силы и значенія."

Holtzendorff, Bd. I. S. 34 u. ff.
„§ 10. Weltrecht und Weltstaat.

„Diese Frage kann von zwei Seiten her gestellt werden: 1) Sowohl von denjenigen, welche das Vorhandensein eines positiven Völkerrechts in unserer Epoche zwar zugeben, aber dessen Unvollkommenheiten beklagen, indem sie gleichzeitig einen Vollendungszustand des internationalen Rechts in der Zukunft durch weltstaatliche, der Zukunft vorbehaltene Gebilde ermöglicht sehen. 2) Als auch von solchen, welche die Existenz positiver Völkerrechtsnormen leugnen und deren Möglichkeit oder Entstehung von der Schöpfung gewisser, ausserhalb des Machtbereichs einzelner Staaten stehender Gemeinschaftsanstalten bedingt glauben."

Симсонъ, стр. 91 и сл.
„§ 13. Универсальное государство.

„Относительно универсальнаго права и универсальнаго государства надо замѣтить слѣдующее. Есть ученые которые признаютъ существованіе положительнаго международнаго права но, вмѣстѣ съ тѣмъ, указываютъ на его недостатки. Они думаютъ, что международное право достигнетъ въ будущемъ болѣе совершеннаго состоянія лишь черезъ образованіе универсальнаго государства.

„Другіе ученые отрицаютъ существованіе положительныхъ международно-правовыхъ нормъ, и думаютъ, что возможность ихъ существованія или возникновенія зависитъ отъ созданія общественныхъ соединеній (?) внѣ власти отдѣльныхъ государствъ."

Если читатель захочетъ продолжить сличеніе, онъ увидитъ, что такимъ же точно образомъ почти весь § 10 Гольцен-

1) Пропущенный здѣсь текстъ помѣщенъ мною въ скобкахъ въ концѣ выдержки. Я сдѣлалъ это съ цѣлью облегчить сличеніе съ текстомъ г. Симсона.

дорфа перешелъ въ § 13 у г. Симсона. То же самое случилось и съ слѣдующимъ параграфомъ.

Holtzendorff, Bd. I. S. 38 ff.
„§ 11. Das Nationalitätsprincip.[1])

„Auf das Princip der nationalen Selbstständigkeit der einzelnen Staaten für sich allein kann sich die völkerrechtliche Idee nicht stützen. Denn völkerrechtlich genommen, ist der reine Grundsatz der Nationalität zunächst nur eine Negation der politischen Gemeinschaft einer Nation mit anderen . . .

„Unter der Nationalität verstehen wir hier nicht die Besonderheit etnographisch . . . sondern die Eigenart staatlicher Selbstständigkeit, in welcher sich der Inhalt völkerschaftlicher Gruppen auf räumlich abgegrenzter Basis politisch organisirt hat. Jeder Staat hat zunächst das Bestreben für sich selbst zu sein, die eigene Persönlichkeit zu behaupten, indem sie sich derjenigen aller anderen Staaten entgegensetzt und keine höhere Macht als zwingend über sich anerkennt.

„Nirgends jedoch ist die räumliche Gränze des Staates gleichzeitig die Gränze seines geistigen Daseins."

Симсонъ, стр. 105—107.
„§ 14. Принципъ Національности.

„Принципъ національной самостоятельности государствъ не можетъ быть основаніемъ международнаго права. Въ международномъ правѣ принципъ національности есть только отрицаніе политическаго общенія одной націи съ другой . . .

„Національность **мы** понимаемъ здѣсь не въ этнографическомъ смыслѣ, но какъ особенность государственной самостоятельности, въ которой организовались народныя группы въ предѣлахъ извѣстныхъ территорій. Каждое государство хочетъ и должно существовать для себя, противопоставляя свою личность всѣмъ другимъ государствамъ и не признавая надъ собою никакой высшей власти. Но нигдѣ фактическая граница государства есть вмѣстѣ съ тѣмъ и граница его духовнаго существованія."

Я остановился на этихъ заимствованіяхъ потому, что судя по отзывамъ о книгѣ г. Симсна[2]), способѣ ея составленія совсѣмъ не обратилъ на себя вниманія. Одинъ изъ рецензентовъ до того былъ увѣренъ въ принадлежности

1) Литературныя указанія тождественны. Г. Симсонъ только сократилъ ихъ нѣсколько, но не потрудился даже дополнить ихъ русскими монографіями.

2) Отзывы о книгѣ г. Симсона были напечатаны въ „Правѣ" за 1900 г. стр. 843—848 (Л. Шалландъ), въ „Вѣстникѣ Права" за 1900 г. № 7 (сентябрь), стр. 229—242 (графъ Камаровскій) и въ „Журналѣ Министерства Юстиціи" за іюнь 1900 г. (А. Пиленко). Четвертый отзывъ (В. А. Уляницкаго) имѣетъ появиться въ ближайшей книжкѣ „Журнала Мин. Нар. Просв." Прочитавъ всѣ эти отзывы о своей книгѣ, г. Симсонъ не будетъ уже имѣть права сказать: „индифферетное отношеніе къ международному праву мы узнали на собственномъ опытѣ" (стр. 145).

текста книги ея автору, что сталъ возражать ему по поводу такого мѣста, которое тотъ дословно списалъ у Гольцендорфа. Это мѣсто находится въ параграфѣ, посвященномъ принципу національности. „Отдѣлъ о приципѣ національности, говоритъ въ своей рецензіи графъ Камаровскій,[1]) своего рода курьезъ. Неизвѣстно, въ силу какихъ умозаключеній г. Симсонъ приходитъ къ положенію, что «принципъ національности съ точки зрѣнія международнаго права значитъ ни что иное, какъ принципъ государственной самостятельности, при чемъ не имѣетъ никакого значенія, основывается ли самостоятельность на исторически образовавшемся народѣ, или на новой формѣ государства, образовавшейся посредствомъ соединенія разнородныхъ элементовъ.» Это, замѣчаетъ графъ Камаровскій, „равносильно отрицанію принципа національности, чему совершенно противорѣчатъ факты современной политической и международной жизни.“ Г. Симсону приходится въ данномъ случаѣ нести отвѣтственность за чужія мнѣнія и слова, такъ какъ онъ выдалъ ихъ за свои, не поставивъ ихъ въ кавычки[2]), и тѣмъ самымъ ввелъ въ заблужденіе своего рецензента, положившагося на его добросовѣстность.

Выпуская въ свѣтъ свою работу, г. Симсонъ имѣлъ смѣлость высказать порицаніе пріему, „при помощи котораго изъ нѣсколькихъ старыхъ книгъ составляется новая“ (стр. V), и даже прямо заявить своимъ читателямъ: „мы не намѣрены исполнить ее (т. е. работу) такъ, что составимъ новую книгу изъ дюжины старыхъ, измѣняя лишь распредѣленіе разсматриваемыхъ вопросовъ. Такая работа была бы совершенно лишней“ (стр. 4). Хотя г. Симсону и не понадобилось цѣлой дюжины старыхъ книгъ для составленія своей новой, появленіе послѣдней тѣмъ не менѣе должно быть признано совершенно лишнимъ.

---

1) „Вѣстникъ права“, 1900 г., сентябрь, стр. 238.

2) Вотъ соотвѣтствующее мѣсто Гольцендорфа: „Vom völkerrechtlichen Standpunkte aus betrachtet, kann daher das Nationalitätsprincip nichts anderes bedeuten, als den Grundsatz der staatlichen Selbstständigkeit, ohne Unterscheidung dessen, ob dieselbe einen geschichtlich überlieferten Volksbestand, oder eine auf der Attraction einheitlich gewordener Volksmacht beruhende Neubildung zu ihrer Grundlage hat“ (Handbuch des Völkerrechts, Bd. I., S. 40—41). Въ книгѣ г. Симсона приведенное мѣсто находится на стр. 107.

БИБЛІОТЕКА
ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.